

Рецензия в местной газете

Литература все глубже входит в жизнь нашего народа. Потребность людей в хороший, умной книге огромна. Выпуск произведений художественной литературы в нашей стране неуклонно увеличивается. В 1954 году издано более 5 тысяч книг общим тиражом свыше 232 миллиона экземпляров. Много произведений печатаются в периодической печати — журналах, альманахах, литературных сборниках.

Помочь читателю разобраться во всем множестве имен и названий, помочь правильно оценить то или иное произведение — для нашей печати, призванной способствовать идеологическому воспитанию народа. Газета должна пропагандировать лучшие достижения советской литературы, со всей строгостью и принципиальностью критиковавшие книги неподночные в изобразительном отношении, оказывая тем самым влияние на развитие литературы. О необходимости повседневной борьбы за высокий идеально-художественный уровень нашей литературы еще раз напомнил Центральный Комитет партии в своем приветствии Второму всесоюзному съезду писателей.

Каждый год советская литература обогащается правильными, глубокими, высокохудожественными произведениями, прочно завоевывающими любовь читателей. Задача печати — показать, как в этих книгах отображаются важнейшие процессы нашей действительности, как раскрывается все богатство мыслей и чувств советского человека. Надо вдумчиво и конкретно рассказывать читателю о той жизни, которая стоит за изображенными в книге, и о художественном ее воплощении.

Большая роль в этом важном деле принадлежит местным газетам, которые особенно близко связаны с читателями и с литературой своей области, края, города. Но для того, чтобы действительно быть посредником между писателем и читателем, газета должна оперативно и систематически помещать статьи о литературе, рецензии на художественные произведения. Широкое освещение вопросов литературы — одна из славных традиций нашей печати.

Центральный Комитет партии возложил на республиканские, краевые и областные газеты обязанность обеспечить рецензирование всей литературы местных издательств. Однако если просмотреть комплекса ряд областных газет за этот год, то обнаружится, что далеко не ведут литературным материалам отводится подобающее место. Особенно не ведет книгам местных писателей. Многие из них так и не получают оценки на страницах областной печати. В Иркутске семи месяцами этого года издано семь книг советских писателей, вышел очередной выпуск альманаха «Новая Сибирь». Но ни одно из этих изда-ний не оценено выходящей в Иркутске газетой «Восточно-Сибирская правда». Ростовская газета «Молот» до сих пор не про-рецензировала роман Д. Петрова («Бирка») «Сыны степей донских» и его же трилогию «Сказания о казаках». За последние годы газета утратила интерес к альманаху «Дон». Его выпускали в 1954—1955 годах не было посвящено ни одного развернутого выступления.

Задача местной печати не ограничивается рецензированием областной литературы. Знакомить читателей с выдающимися литературными событиями, писать о лучших произведениях, вышедших в других городах, показывать многообразие на-шей литературы, — к этому должны стремиться все газеты.

Крайний раз внимание уделяется художественной стороне произведения. Ей чаще всего бывает посвящено несколько общих, ничего не говорящих читателю фраз. Многие рецензии написаны серым, невыразительным, штампованным языком, загроможденным сможими оборотами речи, что никак не помогает раскрыть художественное своеобразие книги.

Эти недостатки во многом зависят от неспособности рецензии — одного из важнейших газетных жанров. На рецензии нужно тщательно работать редакциям газет, не пропускать на страницы печати малоквалифицированные, неинтересные отзызы о книгах. Добиться высокого идеально-теоретического уровня критических выступлений можно лишь при самом серьезном подходе к подбору авторов.

Давно прошло то время, когда в старой провинции по-настоящему образованной людьми, тогда как о других, не столь значительных, пишут только потому, что они по теме связаны с данной об-ластью. А ведь можно преодолеть рамки областнической ограниченности и более широко освещать вопросы литературы, как это делает, например, газета «Горьковская правда». Она за этот год поместила статьи и заметки о новых поэмах, о крупных произведениях прозы — «Балтийском небе» Н. Чуковского, «Псковцах» Д. Гравина, «Екатерине Ворониной» А. Рыбакова.

Каждую удачную рецензию читатель воспринимает с радостью, так как она заставляет глубже поразмыслить над прочитанным произведением. Часто не все бывает ясно в книге, «...но пришла из помоем хорошая критическая статья», — пишет в редакцию врач Я. Таралин из Воронежа, — и вот уже деревья, за которыми, казалось, нельзя было увидеть леса, расступаются и начинают четко вырисовываться и замысел автора и его воле-решение. Такое возвращение к произведению воспитывает художественный вкус, учит глубже и тоньше понимать литературу.

Но далеко не все рецензии, печа-тающиеся в газетах, заслуживают оценки.

Здравствуй, школа!

Много лет препо-
дает русский язык и
литературу в 610-й
школе Шербаков-
ского района столицы
Vladimir Alek-
sandrovich Pomeran-
cev.

... Кончились кани-
кулы. Снова встре-
тились школьники с
любимым учителем,
обступили его, за-
сыпали вопросами:

— Владимир Александрович! А что

мы будем прохо-
дить в этом году по

литературе? А когда

мы пойдем в музей

Толстого?

И старый педагог

остоятельно отве-
чает на вопросы

своих учеников.

Фото В. Леонова

Сергей ВАСИЛЬЕВ

Тесно сомкнулся ребячий круг,
дружный, живой, глазастый.
Здравствуй, учитель, надежный друг!
Умная книга, здравствуй!

Сергей ВАСИЛЬЕВ

По всей стране — от Москвы-реки
до хлебных полей Алтая —
спасаются в школу ученики,
как звонкая птичья стая.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 104 (3449)

Четверг, 1 сентября 1955 г.

Цена 40 коп.

ИНДУСТРИЯ ОКЕАНА

В НАЧАЛЕ июля нынешнего года перегонная команда привела из дальней верфи в Рыбный порт Мурманской судно необыкновенных очертаний. Высокое, как океанский транспорт, с белоснежными мачтами, со странной прямоугольной коркой, кончавшейся силом (наклонной площадкой), оно не было похоже ни на один из траулеров, что стояли у причалов или на рейде. Они эти пропорциональные рабочие моря, грубо сидели воде; их низкие открытые палубы были загромождены сетями и штабелями досок для рыбозадачных столов. Иначе выглядел новый корабль, построенный по специальному заказу. Он был примерно в полтора раза длиннее обычных траулеров и намного выше любого из них. Под оснащенной стрелами и лебедками широкой палубой угадывалось запрятанное в глубине корпуса большое производственное пространство. Гордое им сияло на его корпусе: «Пушкин».

— Браславен! — переговаривались на причале матросы с других судов. — Вот на такой попасть!

— Чья-то умная голова придумала!

— А где же разделывать будут рыбу?

— Под палубой. Так, говорят, целая фабрика.

— Да, хорошо, на таком не залеть...

— А корма-то у него, как у нашего «Новатора», — заметил пожилой моряк в плаще, в складках которого еще гу碌ели комки засохшей питомой соли.

— Как у «Новатора»? — рассмеялись матросы. — Это на ботинке-то?

— Сравни снона с цыпленком!

— А что? Помогите: слишко точно, как на «Новаторе». И стрела так поставлена. — Немножко побольше да получше сделано, вот и все.

И ту многие с добрыми улыбками стали припомнить отважные вылазки в море мотобота Мурманской экспериментальной базы «Новатора», скромного суденышка, на котором еще семь лет назад группа инженеров-энтузиастов стала испытывать новые способы промышленного лова рыбы...

...Вскоре после войны на страницах мурманской «Полярной правды» разгорелась дискуссия: какой тип промыслового корабля нужен в будущем?

С интересной статьей выступил тогда в газете капитан Кирилл Александрович Патон. Он рассказал о своей мечте: поставить на мостике плавучий завод, где все будет механизировано, где матросам на палубе придется работать в море. Тонкость трепетного, «зеленеслого», как выражаются промысловики, сквозь сети. Вот втянули на сини верхнюю часть траула с его круглыми поплавками-кухтыми... Тогда подтягивали мешок.

Что-то, однако, не ладилось у палубной команды. Матросы несколько раз останавливали лебедку, обеспокоенно поглядывали на слив. Вчера, когда в мешок попадало только тонны полторы-две, моряки хмурились: «Мало!». А вот теперь, когда, казалось, надо было разделывать рыбу под ударами ветра и воли, где рыба будет обрабатываться под палубой и свежей доставляться на берег.

Патон — человек большого морского опыта и культуры. Ему знакомы были труды выдающегося ученого Николая Михайловича Билибина, главы русской школы иконописи. Мироноука науки художественного исследования Киприанова, проведенные в начале века на специально построенным исследовательском судне-траулике «Андрей Первозванный». Одной из оригинальных особенностей «Андрея Первозванного» было то, что траул на нем спускался не с борта, как это принято повсюду, а с кормы.

С кормы, а не с борта! За это и ухватили Патона. Как будто принципиальная разница между тем в маджоре новой эпохи были заложены возможности революционного изменения всей техники промысла.

Заговорили о самых траулах. Но сих пор нет прибора, показывающего движение траула в воде. А на таком корабле, как «Гоголь», вполне возможно осуществить прицельное трауление. Нет и разноглубинного траула, хотя работники Полярного научно-исследовательского института, находящегося в ведении министерства, вот уже несколько лет обещают дать его морякам и все не дают.

Машинисты «Гоголя» — 1 900 лошадиных сил. А траулы здесь такие, какими пользуются траулеры в 650 сил. Даже наполовину не используется мощность. Можно держать скорость — четыре с половиной узла, и давать стояк траула, на котором же мешок сопротивление воды и мешок еще большую распорную силу. Идет оптимальный «угол атаки», который позволяет значительно повысить уловистость траулов. Ведь новым кораблям нужны именно такие, «технические» траулы. К тому же, сухорученко изобретатель пришел с скромной просьбой: для проверки некоторых расчетов ему понадобилось прорубить опытный образец своей лодки в аэротрубе Ленинграде. В Политехническом институте, где такая труба имеется.

— Я все это уже слышал, — истерпеливо перебил заместитель министра изобретателя. — Покороче. Чем это нужно?

— Нужно ваше письмо в институт.

Замминистра пожал плечами:

— Я в это привык не верю... Там воздух, здесь — вода, — что общего? Бросяться деньги мы не можем.

Изобретатель работает сейчас на маленькой усовершенствованной верфи. Он живет в Париже русский язык. В его личной библиотеке много русских книг: собрания сочинений Пушкина, Достоевского, Блока, произведения Гольбера, Маяковского, Шолохова, Гладкова, Есенина, Эренбурга. Ему хотелось бы пополнить свою библиотеку последними новинками советской литературы. Ария Рамбо очень интересуется работой советских органов суда.

— В моем личном плане намечено: побывать на заседании народного суда, — говорит он.

У пожилого профессора математики Александра Аи из Монжуисона другие планы:

— Хочу, насколько позволят время, изучить вашу систему просвещения издравоохранения. Не для себя, я уже стар и вышел в отставку. Мое дело теперь выращивать овощи, цветы и... внуков. Но сыновьям я обещал рассказать о многом. Один мой сын-врач, известный исследованием по обезвреживанию ядов. Другой — преподает в Ницце английский язык.

Городской график-иллюстратор Жан Мэйю не отходит от полотен старых мастеров.

— Из Эрмитажа, — сказал он, — я ухожу совершенно расстроенный: нет времени осмотреть все собранные здесь сокровища искусства. Великолепное собрание!

Гости из Франции уже успели посетить Музей истории религии и атеизма в Казанском соборе, стадион имени С. М. Кирова, совершили автобусные прогулки по городу, слушали концерт мастеров искусств. Сегодня продолжают знакомиться с городом, с жизнью и бытом ленинградцев.

А впереди — встреча с Москвой, куда уже прибыла из Ленинграда большая группа французских туристов.

В. КРУЧИНА

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Вл. Саппак. — Утверждение самобытности (2 стр.).

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ: И. Груздев. — По личным впечатлениям. Г. Кубланский. — Песни северного края. Николай Атаров. — Рассказ о творчестве писателя; А. Дирингерова. — Особенности жанра (2—3 стр.).

Л. Лазарев. — Без предубеждения (3 стр.).

Мария Шагинян. — Чехословакские письма (3 стр.).

10 ЛЕТ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ. Лью Чонг Ли. — «Мир пришел на нашу землю»; Мишель Линь-бу. — Как это было... (4 стр.).

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Вл. Саппак. — Утверждение самобытности (2 стр.).

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ: И. Груздев. — По личным впечатлениям. Г. Кубланский. — Песни северного края. Николай Атаров. — Рассказ о творчестве писателя; А. Дирингерова. — Особенности жанра (2—3 стр.).

Л. Лазарев. — Без предубеждения (3 стр.).

Мария Шагинян. — Чехословакские письма (3 стр.).

10 ЛЕТ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ. Лью Чонг Ли. — «Мир пришел на нашу землю»; Мишель Линь-бу. — Как это было... (4 стр.).

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Вл. Саппак. — Утверждение самобытности (2 стр.).

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ: И. Груздев. — По личным впечатлениям. Г. Кубланский. — Песни северного края. Николай Атаров. — Рассказ о творчестве писателя; А. Дирингерова. — Особенности жанра (2—3 стр.).

Л. Лазарев. — Без предубеждения (3 стр.).

Мария Шагинян. — Чехословакские письма (3 стр.).

10 ЛЕТ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ. Лью Чонг Ли. — «Мир пришел на нашу землю»; Мишель Линь-бу. — Как это было... (4 стр.).

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Вл. Саппак. — Утверждение самобытности (2 стр.).

ПАМЯТНЫЙ ДЕНЬ

ПРИМЕТЫ НОВОГО

РЕПОРТАЖ

Первое сентября — первый день в школе остается в памяти человека на всю жизнь. Те, кому по роду семь лет, рано утром за полноты улицы — соцредоточенные, впервые чуть озабоченные, с сумками и с цветами в руках. Мальчики, если уже довелось нести в школу цветы, стараются передать букет тому, кто ведет их, — маме или бабушке.

Сегодня, первого сентября, много цветов, много радости, много счастья.

Школа! Не сразу пришла к Гали Лапенковой. В первый день, на втором уроке, она поднялась и поставила ножку на парту, прошагала перед учительницей и начала зашурьювать новый ботинок.

— Гали, ты что? — спросила учительница.

— Ничего. Развязалась.

— А разве так делаются?

— А как?

В классе засмеялись. А Гали заплакала. Она еще не понимала, что школа — это дисциплина и порядок. Ей казалось, что она и тут играет, как в детском садике.

Также очень нравились перемены, и когда зазвенел звонок, она сказала: «Не пойду, еще поиграю». Но все девочки побежали в класс, и ей пришлось идти за ними. Зато в середине последнего урока Гали спокойно взяла сумку и зашагала к двери.

— Гали, ты куда? — остановила ее учительница.

— Домой.

— Так ведь звонок еще не было.

— А мне и не надо.

— Как же надо?

— Не надо. Я могу и так пойти. Я к маме хочу. Она сегодня дома, пирог печет.

И снова в классе рассмеялись, а Гали, тоже и не плакала, стояла на ходилкинине: глаза в подлокотнике, сумка впереди в двух руках, точно щит...

Школа! Сколько радостей связано с ней. Школа Гали нашла лучших подруг, на всю жизнь. Школа раскрыла передней ногой, она разыгрывалась, как настоящий гений.

Школа! Горе у Гали — рассказывали девочки, споем! И становится еще веселее. А мальчики научили ее и костер разжигать на ветру, и строить шашлык, и рыбку утешить. Гали научилась работать руками — создавать чудесные вещи.

Новники, которые придут сегодня в 429-ю школу имени Сталинского района Москвы, увидят отличный реестрат, который второй год будет помогать изучать физику их старшим товарищам. Реестрат — одна из работ ученицы 8-го класса Гали Лапенковой. Школа научила ее многому, и руки ее стали теперь умелыми.

В некоторых школах в сельскохозяйственных районах нашей страны есть отличная традиция. Выпускники школы дарят плюши своим труженикам. Мне довелось видеть это из Кубани.

Малыш, впервые пришедший в школу, выстроился против своих старших товарищей. И каждый старший школьник протянул каждому новичку, как эстафету, корзину спелых яблок, груши, винограда.

А потом высокая девушка с золотистыми волосами сказала, обращаясь к новичкам:

— Мы дарим вам эти плоды в знак того, что наша родная школа научила нас не только грамоте, без чего человек в жизни слеп, но и труду, без чего человек в жизни, как без рук. А про многих наших учеников говорят, что у них золотые руки. Я вот в нашем приюльском саду впервые учила собирать грозди, перевязывать маленькие деревеньки, улобрать землю. И теперь я на всю жизнь осталась в саду: работаю бригадиром в колхозе и учусь в зоночном институте — буду агрономом-садоводом...

Много профессий на свете, а надо выбрать одну — ту, по твоим способностям, ту, что ближе твоему сердцу.

Большое счастье сознавать: это сделали мои руки. Большое счастье — крепко, уверенно стоять на земле и не только знать мир вокруг, но и быть в нем хозяином, а не гостем: по-хозяйски обращаться с землей, с металлом, с деревом — со всем, из чего можно создать величайшие ценности для человека.

Школа должна дать это счастье нашим детям.

М. ЕФЕТОВ

ПРИМЕТЫ НОВОГО

Работник Строительного министерства пародийного Китая тов. Люй Юньхо спрашивает:

Сколько человек занято на монтаже здания? — Монтаж производится при помощи двух башенных кранов под каждым крытом — три монтажника и два талантика.

Сколько же дней монтируется этаж? — интересуется Славчев.

Этаж монтируется шесть дней.

Неужели на монтаже занято всего лишь десять человек?

Работа на строительстве идет в две смены, эту цифру нужно удвоить.

Зарубежные друзья, приехавшие в Советский Союз, чтобы познакомиться с опытом, проводят несколько часов на строительной площадке. Их интересует все, они задают множество вопросов, записывают.

Но наибольший интерес проявляют слушатели к методам работ, начиная с нулевого цикла.

Что такое нулевой цикл?

Этим техническим термином обозначаются все строительные работы, которые ведутся ниже пола первого этажа: монтируются потолки, кабинеты, пропори, фундамент, подвал — в эти помещения входит все, без чего нельзя приступить к сооружению наземной части здания.

И оказалось, что сооружения нулевого цикла могут не только держать на своих плачах здание, но и ускорить его движение вперед — превратить строительную площадку в индустриальный плацдарм, где рабочим можно создать все условия для высокопроизводительной работы.

Если хотят знать, — сказал старший прораб Я. С. Фадеев, — портфолио захватывает вместе с фундаментом, он находится в нулемовом цикле и оттуда заходит на всему строительству.

Никого из посетителей стройки (были дни, когда число их достигает трехсот с лишним человек) не поражает строительная техника — башенные краны, полностью механизированный растворный узел, который обслуживается всего лишь двумя рабочими, и другие механизмы. Все это можно встретить не только здесь.

Привлекает внимание другое: умение использовать всю эту технику на полную мощность.

Есть немало строительных площадок, где двадцатиметровые ажурные стрелы башенных кранов насыщены не меняют своего положения. Они стоят с поднятыми кверху хоботами, напоминают гигантов, вынувших из земли лишь наблюдать с высоты своего огромного роста, как винятятся люди. Но здесь у тех же башенных кранов «СЕК-1» «походка» строительная, а их стальные руки то и дело легко подхватывают блоки весом около четырех тонн...

Эта школа передового опыта замечательна тем, что она не только дает предметный уровень индустриальных методов строительства, но и борьбы с методами строителей.

В сентябре крупноблочная школа в Большом Песчаном переулке будет занята. Со школьного двора выедут грузовые машины, на которых аккуратно сложат щиты сборного помещения, где сейчас находится методический кабинет, растворный узел, кабинеты, дуплевая установка. На «своих колесах» выедут разделка, санитарный узел, контроль прорыва, стабильно разместившиеся в автобусах. Все это хозяйство перекочует на новую строительную площадку, где с первого же дня будут созданы все условия для высокопроизводительной работы.

М. СМЕЛЯНСКАЯ

СТИХИ ЧОБАНА АФГАНА

В издании Азербайджанского дома народного творчества вышел в свет сборник стихов талантливого поэта-самородка Чобана Афгана, — под этим именем в народе был известен нетрагматический пастух Намаз Александров из селения Гыраг-Кесаман, скончав-

шийся в 1924 году. В сборник включено около сорока его стихотворений.

Чобану Афгану принадлежит много волнующих произведений о тяжелом прошлом азербайджанского народа. В 1920 году известен нетрагматический пастух Намаз Александров из селения Гыраг-Кесаман, скончав-

шийся в 1924 году. В сборник включено

около сорока его стихотворений.

Чобану Афгану принадлежит много волную-

щих произведений о тяжелом прошлом азербайджанского народа. В 1920 году известен нетрагматический пастух Намаз Александров из селения Гыраг-Кесаман, скончав-

шийся в 1924 году. В сборник включено

около сорока его стихотворений.

Чобану Афгану принадлежит много волную-

щих произведений о тяжелом прошлом азербайджанского народа. В 1920 году известен нетрагматический пастух Намаз Александров из селения Гыраг-Кесаман, скончав-

шийся в 1924 году. В сборник включено

около сорока его стихотворений.

Чобану Афгану принадлежит много волную-

щих произведений о тяжелом прошлом азербайджанского народа. В 1920 году известен нетрагматический пастух Намаз Александров из селения Гыраг-Кесаман, скончав-

шийся в 1924 году. В сборник включено

около сорока его стихотворений.

Чобану Афгану принадлежит много волную-

щих произведений о тяжелом прошлом азербайджанского народа. В 1920 году известен нетрагматический пастух Намаз Александров из селения Гыраг-Кесаман, скончав-

шийся в 1924 году. В сборник включено

около сорока его стихотворений.

Чобану Афгану принадлежит много волную-

щих произведений о тяжелом прошлом азербайджанского народа. В 1920 году известен нетрагматический пастух Намаз Александров из селения Гыраг-Кесаман, скончав-

шийся в 1924 году. В сборник включено

около сорока его стихотворений.

Чобану Афгану принадлежит много волную-

щих произведений о тяжелом прошлом азербайджанского народа. В 1920 году известен нетрагматический пастух Намаз Александров из селения Гыраг-Кесаман, скончав-

шийся в 1924 году. В сборник включено

около сорока его стихотворений.

Чобану Афгану принадлежит много волную-

щих произведений о тяжелом прошлом азербайджанского народа. В 1920 году известен нетрагматический пастух Намаз Александров из селения Гыраг-Кесаман, скончав-

шийся в 1924 году. В сборник включено

около сорока его стихотворений.

Чобану Афгану принадлежит много волную-

щих произведений о тяжелом прошлом азербайджанского народа. В 1920 году известен нетрагматический пастух Намаз Александров из селения Гыраг-Кесаман, скончав-

шийся в 1924 году. В сборник включено

около сорока его стихотворений.

Чобану Афгану принадлежит много волную-

щих произведений о тяжелом прошлом азербайджанского народа. В 1920 году известен нетрагматический пастух Намаз Александров из селения Гыраг-Кесаман, скончав-

шийся в 1924 году. В сборник включено

около сорока его стихотворений.

Чобану Афгану принадлежит много волную-

щих произведений о тяжелом прошлом азербайджанского народа. В 1920 году известен нетрагматический пастух Намаз Александров из селения Гыраг-Кесаман, скончав-

шийся в 1924 году. В сборник включено

около сорока его стихотворений.

Чобану Афгану принадлежит много волную-

щих произведений о тяжелом прошлом азербайджанского народа. В 1920 году известен нетрагматический пастух Намаз Александров из селения Гыраг-Кесаман, скончав-

шийся в 1924 году. В сборник включено

около сорока его стихотворений.

Чобану Афгану принадлежит много волную-

щих произведений о тяжелом прошлом азербайджанского народа. В 1920 году известен нетрагматический пастух Намаз Александров из селения Гыраг-Кесаман, скончав-

шийся в 1924 году. В сборник включено

около сорока его стихотворений.

Чобану Афгану принадлежит много волную-

щих произведений о тяжелом прошлом азербайджанского народа. В 1920 году известен нетрагматический пастух Намаз Александров из селения Гыраг-Кесаман, скончав-

шийся в 1924 году. В сборник включено

около сорока его стихотворений.

Чобану Афгану принадлежит много волную-

щих произведений о тяжелом прошлом азербайджанского народа. В 1920 году известен нетрагматический пастух Намаз Александров из селения Гыраг-Кесаман, скончав-

шийся в 1924 году. В сборник включено

около сорока его стихотворений.

Чобану Афгану принадлежит много волную-

<p

БЕЗ ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ

Л. ЛАЗАРЕВ

С

фос его романа «Стадион» — в утверждении нашего, советского образа жизни, который разкрывает перед человеком неограниченные возможности во всех сферах деятельности — будь то производство или наука, искусство или спорт.

В приключенческом романе может и не быть детального описания переживаний героя, движений его души, его чувств, в таком произведении характеристики, — они должны быть очерченны резче, с большим напряжением, более энергичными штрихами, чем, например, в психологическом романе, — выявляют себя, главным образом, в необычных обстоятельствах, в самых, казалось бы, неожиданных поступках. Поэтому своеобразие характеров здесь должно особенно сильно подчеркнуть.

В Собко удалось нарисовать в своем романе несколько колоритных фигур. Когда читаешь главы, посвященные чемпионке мира по метанию диска Ольге Волошиной или талантливой спортсменке из Западного Берлина Эрике Штальберг, оправданными оказываются и неожиданные встречи, неизбывайные союзники, и стечения реальных обстоятельств. Оправдаными, а не нарушена цельность характеров, не утеряно их содержание.

Когда же нет отчетливо выписанного и интересного характера, никакие ссылки на специфику жанра не поправят дела. Такие прозвали есть и в романе «Стадион», и их, к сожалению, немало. Ну чем тренер Максимов отличается от тренера Кацева, а она оба, в свою очередь, — от подполковника Громова, друга и наставника Волошиной? Образы эти расплываются и безликне не только в переносном, но и в буквальном смысле слова. В этом легко убедиться, обратившись хотя бы просто к портретам героев. «...Это был он, большой, широкоплечий, с искрками седин в густых волосах», — речь идет о внешности Максимова. А вот портрет Громова: «...Крупный рот, крепкий, гладко выбритый подбородок и едва замечаемая седина на висках». У Кацева тоже «седая стриженная под низкий бобик голова».

Главное в характерах героев писатель раскрывает, рассказывая об их занятиях спортом. Но верный в своей основе принцип изображения автор проводит с совершенно ненужной прямолинейностью; обращаясь к другим сфере-

рам жизни героев, он словно ищет диплом подтверждения первоначальных характеристик.

И достоинство неожиданно обретается слабостью: слишком порой упрощено и механически связывается в романе трух, учеба, личная жизнь и спорт. Почему слабые результаты на беговой дорожке неизбежно влекут за собой последственные оценки в зачетной книжке? Почему хорошая спортсменка неизменно должна быть отличной студенткой? Почему Ольга Волошина удается убедительно сыграть роль Любови Яровой лишь после того, как она по-товарищески начинает относиться к сопернице в спорте? При таком подходе характеристики «объясняются», линчиваются сложности, которая присуща им в живой жизни. А известно, что самая пущистая лягушка, если ее хорошо отредактировать, превращается в обычное бревно.

Вообще, для В. Собко упрощенность — наибольшая серьезная опасность. Она подстегает его не только при обрисовке характеров героев, но и тогда, например, когда он изображает спортивный мир за окном.

Как правило, прямолинейность и упрощенность характеристик находятся по соседству со словесной цветистостью и выразительностью, с самыми заскорузлыми штампами. В «Стадионе» Собко мы находим, к сожалению, лишь новое подтверждение этой не новой истины. В книге есть и «изумрудное поле стадиона», и «броневые огоньки машин», и «множество бриллиантовых браз», и даже «яркие глаза, такие большие и такие синие, как вечеринские над горами, когда только что зашло солнце и вог-вог заблестят первые звезды». Особенно полюбилось автору сравнение красного цвета с огнем: «как далекий огонек, пламенем маленький красный флаг»; «красное, как цветок настурции, пылает... вскипевшее то, то там, словно маленький яркий огонек»; «как яркие цветы, замелькали их костюмы... словно пламя мелькало по белому снежному простору». Это, так сказать, световые эффекты. В романе можно легко отыскать и парфет, который «блестел, как лед на катке», и последний поцелуй, который «снегинкой тает на губах», и «страницу незабываемой книги юности», и многие другие сюрпризы безвязности.

В книге В. Собко есть серьезные промахи и слабости. Но увидеть, что в книге хорошо, а что плохо, можно, если не относиться свысока к жанру, выбранному писателем, а советовать писателю преодолевать серьезные свои недостатки, работая в рамках этого жанра.

ЧЕХОСЛОВАЦКИЕ ПИСЬМА

Вместо предисловия

Марнетта ШАГИНЯН

>

Чуть теноровский звон колокола, звончего в воскресной мессе; стеклянный удар хрустальных астрономических башенных часов (головой о затейливой механике эпохи младости Праги, когда механика была «художеством» вроде ювелирного дела), и вымысел всего, надо всем из прелестного ветреного пражского неба — свист игрушек, которых я долго не могла отредактировать, что они за игрушки: похожи на ласточки, но не ласточки, потому что сплющены черные и свинстят по-особому. Мне говорили: это черные дрозды. И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды. И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь, что устроители не выдумывают «трюков», настолько же ясно, что они были дрозды.

И только Ида называла мне них, неизвестную на этих вечерах, вы убеждаетесь,

10 лет Демократической Республики Вьетнам

Десять лет назад, 2 сентября 1945 года, из Ханоя по всему миру прозвучал голос молодой, только что родившейся Демократической Республики Вьетнам.

...Прекрасна «Страна юга». Прекрасна и щедра ее земля. По два-три урожая риса в год собирают на ее полях. Она дает каучук и кофе, чай и хлопок, бананы и сахарный тростник. Не меньшим промыслом красное и черное дерево. Недра Вьетнама таят в себе уголь и вольфрам, марганец и свинец, олово и цинк.

Нет слов, богата вьетнамская земля! Но долгие десятилетия хозяйственники на ней иноземные колонизаторы, вовсем трудных лет в ее джунглях шла война героического народа за свою свободу и независимость. И лишь немногим более года миновало со дня, когда утихомирилось пламя войны в Индо-Китае.

Пора мирного труда пришла на землю Демократической Республики Вьетнам. В Ханое и у станков под бамбуковыми навесами в девственных лесах, на восстановленных предприятиях и угольных копях трудятся вьетнамские патроты. Через скалистые ущелья и горные реки прокладывают они железные дороги, возводят плотины и дамбы, строят школы, закладывают

вновь новые фабрики. Вьетнамская пресса сообщает: «Только за первую половину текущего года Хонг-Гайские угольные копи и шахты в Северном Вьетнаме выдали в 2-5 раз больше угля, чем за весь прошлый год». Мощность электростанций за это же время возросла почти на одну треть.

Пора мирного труда пришла на землю Демократической Республики Вьетнам. Эта плодородная земля впервые за века становится ныне достоянием народа. Вьетнамская партия тружеников, правительство дают крестьянину землю, рис, бамбук. Аграрная реформа освободила землю от помещичьей кабалы. На помолодевшей земле, где недавно еще все было распахано и сметано, снимаются первые после войны урожаи. Почти 790 тысяч гектаров засеяны ныне в северных районах Вьетнама. Это на 32 тысячи гектаров больше, чем в минувшем году. А веселые удары гонга, воззвавшие в деревнях начало поместной земли. Во имя новой жизни, на земле Вьетнама побеждены вьетнамский народ со всей добросовестностью выполняет решения Женевского соглашения по Индо-Китаю. Во имя этой жизни он борется за воссоединение страны в едином, свободное, демократическое государство.

Сегодня мы публикуем очерки Лы Чонг Ли и французского журналиста Мишеля Лимбура. Лы Чонг Ли рассказывает о встречах с людьми сегодняшнего Вьетнама. Мишель Лимбур напоминает читателю о событиях, связанных с провозглашением Демократической Республики Вьетнам.

ЛЫ ЧОНГ ЛЫ,
вьетнамский писатель

«Мир пришел на нашу землю»

Мне часто приходилось путешествовать по родной земле. В военные годы вместе с партизанами пробиралась я по тайным тропам в деревни, прятавшиеся в глубоких джунглях. Немало поездий я по городам и селам и после окончания. Много километров пути, много встреч на этом пути. О двух из них я хочу рассказать советским друзьям.

...Порядка № 10 Нинг-Бинь-Ханой проходит через бывшую «белую» зону. Так называлась полоса земли шириной в 6-8 километров, которая разделяла оккупированную противника и ту территорию, которую он не в силах был захватить или постоянно удерживать под своим контролем. Эта территория была превращена в бесплодную равнину, опутанную ржавой, кочующей проволокой.

Раскаленный диск солнца медленно плыл в светлом от знака небе. Стояла нестерпимая жара. Но люди, тысячи людей, все население окрестных деревень трусились без устали на пробудившейся земле. Они прорывали оросительные канавы, чтобы напоить драгоценной водой источенные засухой рисовые поля.

Понятно, что у разоренныхвойной крестьян почти не было необходимых орудий. Дети и женщины ножами подрезали дикую, вымахавшую в человеческий рост траву, мужчины заступами крошили окаменевшую землю, пластины корзинами переливали воду из водоемов в каналы.

Это был подлинный геройзм, но вьетнамские крестьяне меньше всего думали об этом. «Рис нужна вода, а рис нужен родина», — одно стремление владело всеми. Крестьянин, с которым мы заговорили, сказал:

— Нелегко нам сейчас, но это радостный, хотя и тяжелый труд. После стольких лет горя и страданий пришел и на нашу землю мир!

В джунглях ночами очень темно. И, когда люди в мире пробираются сквозь густые заросли, у них одна забота: чтобы не погасла лампа. Это трудно, но необходимо. Так и сейчас, хотя нам трудно восстанавливать разрушенное хозяйство, но мы его обязательно восстановим.

...Уже спускались троичные сумерки, когда мы подъезжали к деревне Дай-Донг. Дорога была приведена в порядок, и машина мчалась с большой скоростью. Но вот подступившие к самой общине зеленые стены деревьев раздвинулись, и перед нами возникли бамбуковые домики деревушки на берегу реки Йам, что значит «Голубая». Освещенные лучами заходящего солнца, вдоль берега тянулись любовно возделанные квадраты рисовых плантаций.

Времени у нас было в обрез, но мы никак не могли миновать эту деревню. Здесь живет Фам Туан, известный под именем «Старик из деревни Дай-Донг». Молва о нем разнеслась далеко за пределы его маленькой деревни.

В годы Сопротивления оккупанты убили единственного сына Фам Туана. Но большее горе не сломило его. Услыхав горькую весть, он сказал: «Мой сын погиб за светлое будущее народа, за свободу. Если мы будем только горевать, то победа останется далекой». Надо всеми силами помогать нации воинам».

Огложив в сторону листки бумаги с наброском доклада об августрских событиях, Чан Хью Лиу с удовольствием предстал воспоминаниям о своей поездке в Гуэ в августе 1945 года...

— Прежде чем выехать в Гуэ, нужно было добить одежду, — мы вышли из лесов и находились в неподобающем виде, чтобы представить перед императором, — смеется Лиу. — Товарищи принесли нам свертки с одеждой, но слишком изысканной и не очень новой. С трудом обнаружили по одной паре брюк и куртки сравнительно приличных. Затем добили машину, горючее и отправились в путь.

Первая часть поездки проходила в тайне. Реакционные силы еще не были разгромлены, за головы руководителей революционного движения враги назначили большую цену. Но, начиная с провинции Тхань Хоа, предсторонности стали излишними. Машину двигалась под непрерывные приветственные взлеты населения. Путь ей не раз преграждали стихийные демонстрации.

Нас встречали знаменами, громом цимбал и барабанов. И хотя звуки эти были нестройными, они переполнили наши сердца радости, словно сама нежная музыка.

Река Благовещения, которую мы пересекли по дороге в Гуэ, была покрыта сампанами, украшенными красными флагами с золотыми звездами. Цельными семьями собирались вьетнамцы на набережных, чтобы присутствовать при свершении ненавистного католического праздника.

Мишель ЛИМБУР.
французский журналист

Как это было...

Минуло десять лет с того дня, как 19 августа 1945 года население Ханоя по приказу Коммунистической партии Индо-Китая и Национального фронта Вьетнам подняло знамя восстания. Революционная армия вступила тогда в столицу. Полиция и гвардия перешли на сторону народа. Восставшие захватили правительственный комплекс, а Национально-освободительный комитет, возглавляемый Хо Ши Мином, провозгласил установление нового, революционного порядка.

А еще шесть дней спустя, 25 августа, в Гуэ, во дворце Кын Чунг, император Бао Дай отрекся от престола, передав власть в руки представителей народа. Среди представителей Национально-освободительного комитета, посланных во дворец для проведения церемонии отречения, находился старший вьетнамский революционер Чан Хью Лиу. За несколько месяцев до

Бои в Кын Чунг были мертвым тишиной. Большая часть чиновников бежала. Сам Бао Дай, чье царствование должно было кончиться через несколько часов, вышел наставречь. Жены его против обыкновения не было с ним. Император понимал, что власть уже в руках народа, хотя самий акт отречения еще не состоялся. Переговоры или вокруг наших предложений, сам он исчез. Пришлося попросить, чтобы на короткое время его снова подняли.

Наступил торжественный момент. Лиу произнес речь о значении августрской революции. Затем Бао Дай зачитал декларацию об отречении. Она была согласована с революционной делегацией и содержала знаменитую фразу: «Отныне мы счастливы стать свободными гражданином в независимой стране».

Народное правительство придавало большое значение этой фразе, считая, что она должна означать признание всех патриотических сил, всех тех, кто, убедившись в несправедливости феодального строя, готов честно сотрудничать с демократическим строем ради обеспечения независимости Вьетнама.

После своего заявления отрекшийся монарх должен был вручить делегации золотой императорской меч с инкрустацией из жемчуга, скрепы, происхождение которого относится к 1802-1820 гг. Скипетр из золотого запала весил семь килограммов.

— Я еще не успел восстановить свои силы, растряченных в тюрьме и лесах, — со смехом продолжал Лиу, — и держать в вытянутой руке эти семь килограммов было для меня подлинным испытанием. Кажется, я даже пошатнулся, когда Бао Дай передал мне его...

Чан Хью Лиу закончил свой рассказ. Как он сообщил мне в заключение, ему предписано теперь руководство Музеем августрской революции в Ханое.

Ханой, август

Много тропинок исхожено было в дни войны вьетнамским патротом. В трудных переходах доставляли они рис бойцам Народной армии. Тропическая ночь, освещенная фонарями, упорно шагала сквозь дикие заросли. Железные дороги и шоссе были разрушены, и люди на своих плечах за сотни километров доставляли нужные грузы. Ныне километр за километром восстанавливаются железные дороги. Уже мчатся поезда по линии Ханой-Муаньгунань. А на этом снимке запечатлен момент отправки первого поезда из Ханоя в Нам-Динь.

ЗАПАДНАЯ ПЕЧАТЬ О СОКРАЩЕНИИ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ СССР

29 августа в Нью-Йорке возобновили свою работу Подкомитет комиссии ООН по разоружению. Представители Советского Союза А. А. Соболев подчеркнули, что правительство СССР уже вступило на путь практического осуществления мероприятий по сокращению вооруженных сил, и указал, в частности, на решение о сокращении численности советских войск на 640 тысяч человек. Этот благородный акт Советского правительства и сейчас оживленно комментируется во всем мире. Мы помечаем некоторые отклики на решение Советского правительства.

ФРАНЦИЯ

Корреспондент французской газеты «Юмати» обратился на улице Париза к первым четырем прохожим с вопросом: «Что думаете...

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51. Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы литературы и искусства — К 4-02-29, писем — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

«Последовать примеру Москвы»

29 августа в Нью-Йорке возобновили свою работу Подкомитет комиссии ООН по разоружению. Представители Советского Союза А. А. Соболев подчеркнули, что правительство СССР уже вступило на путь практического осуществления мероприятий по сокращению вооруженных сил, и указал, в частности, на решение о сокращении численности советских войск на 640 тысяч человек. Этот благородный акт Советского правительства и сейчас оживленно комментируется во всем мире. Мы помечаем некоторые отклики на решение Советского правительства.

ФРАНЦИЯ

Корреспондент французской газеты «Юмати» обратился на улице Париза к первым четырем прохожим с вопросом: «Что думаете...

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51. Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы литературы и искусства — К 4-02-29, писем — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ АНГЛИИ

«МАТУШКА КУРАЖ» НА АНГЛИЙСКОЙ СЦЕНЕ

Театр «Тиэтр Уоркшоп» показал в июле впервые в Англии пьесу Бертольда Брехта «Матушка Кураж».

Несколько слов о самом театре. Он расположен в сердце рабочих кварталов маленького промышленного города Барнсайд в Девоншире. Руководители театра стремятся познакомить зрителя с лучшими пьесами всех времен и ставить их в реалистической манере, понятной простым людям.

Театр зачастую приходится тяжело — не хватает средств, чтобы увеличить малочисленную группу, не удается механически сменить сцену. Но несмотря на трудности, театр заносит популярность среди зрителей и репертуаром и исполнением. На сцене «Тиэтр Уоркшоп» — комедия «Вольпони» английского классика Бен Дионса, «Легенда о Пепите» канадского драматурга Теда Аллена, рассказывающая о борьбе мексиканских крестьян, и другие пьесы.

В мае «Тиэтр Уоркшоп» участвовал во Втором международном фестивале драматического искусства в Париже, где его постановки имели громадный успех. Рецензии на спектакли театра стали появляться в «большой» английской прессе.

Говоря о постановке «Матушки Кураж», английская печать высоко оценивает пьесу и спектакль. «С какой бы меркой бы ни подходить», — пишет консервативная газета «Обсервер», — эта пьеса — эпическая поэма: это рассказ о стойкости, рассказ о событиях, которые могли произойти... в любой очевидной стране. Эта пьеса — народная опера». Упоминают о сцене, в которой умирает немая дочь матушки Кураж, критик из «Обсервер» называет ее «самой потрясающей сценой, которая обогатила драму на многие годы».

Журнал «Нью-Стейтмен энднейшн» также дает в целом положительную оценку спектаклю и пьесе. Постановка антивоенной пьесы известного прогрессивного немецкого писателя — отрадное явление в театральной жизни Англии.

Издательством «Хэмпшир Гамильтон» недавно выпущены «Избранные письма Антона Чехова». Это издание — наиболее полное из всех появившихся на английском языке — было тепло встреченено английской печатью. Английские газеты отмечают, что эти письма позволяют увидеть образ русского писателя в новом свете. Газета «Ньюс кроникл» подчеркивает мужество и смелость А. П. Чехова, который, рискуя собой, участвовал в борьбе с эпидемией холеры, однажды отправился на Сахалин, чтобы изучить там условия жизни ссыльных. Газета заканчивает свою рецензию словами: «...истинное удовольствие доставляет возможность вновь встретиться в борьбе с эпидемией холеры, чтобы открыть, что такое холера, и каким образом она может быть поборота».

Большая заслуга в подборе писем и их издании принадлежит известной американской писательнице Лилиан Хеллман, под руководством которой могли оценить письма Антония Чехова. В начале августа исполнилась его детская сказка «Петя и Волк». Рецензия на спектакль гла

зывается: «...один из самых интересных спектаклей в Лондоне».

Сейчас, как никогда, в Англии проводятся граммофонные записи опер «Борис Годунов» и «Хованщина», а также «Князя Игоря». Бородина в исполнении солистов и оркестра Белградского народного театра. Партникона опере «Борис Годунов» исполняет премьер этого театра Мирослав Чагарович, искусство которого советские зрители могли оценить во времена гастролей югославских артистов в Советском Союзе. Партникона «Князя Игоря» поет Душан Попович. Музыкальная критика оценивает симфонию Шостаковича.

Продолжаются также граммофонные записи опер «Борис Годунов» и «Хованщина», а также «Князя Игоря». Мусоргского, а также «Князя Игоря» Бородина в исполнении сол